

С. ХОХРЯКОВА

Ленин был женщиной

Швейцарский режиссер Мило Рау¹ реконструировал последний день жизни «фюрера» Ильича.

На двухчасовой спектакль «Ленин» в берлинском театре «Шабюне»² в постановке швейцарского режиссера Мило Рау попасть очень сложно. Премьера состоялась в конце 2017 года, и с тех пор он вызывает повышенный интерес как у немецкой, так и у русскоязычной публики. После спектакля начинаются сравнения с запрещенным в России фильмом «Смерть Сталина»³.

Швейцарский режиссер Мило Рау реконструировал последний день жизни «фюрера» Ильича

На сцене — бревенчатая постройка, вращающаяся на круге сцены весь вечер. Так что взору зрителя открываются то столовая, то ванная комната, то спальня. Кажется, что мы вместе с этой постройкой и актерами безостановочно кружимся на карусели. Декорации реалистичные и даже буквальные — насыщенные мелкими предметами, вплоть до портрета Ленина и знаменитой зеленой лампы. Все это для современного немецкого театра — лаконичного и условного — большая редкость. В такой обстановке и проходит последний день жизни Владимира Ильича.

На лавочке перед домом сидят герои, едят яблоки, аппетитно разрезая хрустящие плоды ножом. Происходящее снимается двумя камерами. Два молодых оператора все время присутствуют на сцене. Причем работают они часто в дальних комнатах, которые зритель не видит. Так что следить за действием приходится, глядя на большой экран, установленный над декорациями, задрав голову, читать там английские субтитры. В современном немецком театре почти все спектакли мультимедийные, всякий раз в них задействованы кинематографические средства, транс-

лируется видео. Иногда с этим явный перебор — и живой театр многое теряет.

Постановщик «Ленина» швейцарец Мило Рау когда-то начинал с кино, но найти финансирование на кинопроекты трудно. В итоге он занялся театром, не имея специального образования, переводил потом свои театральные опыты на язык кино. Мило учился в Цюрихе, Париже и Берлине, сотрудничал с европейскими газетами, что-то писал. Он заточен на документальный и политический театр. Его компания, базирующаяся в Цюрихе, называется «Международный институт политического убийства». Рау много работает в Германии. В «Шаубюне» идет несколько его спектаклей.

В Москве его тоже знают. Года три он был лишен возможности к нам приезжать после постановки в Центре Сахарова «Московских процессов», всякий раз заканчивавшихся то появлением казаков, то еще каких-либо организаций. В нем участвовали персонажи современной российской истории — вплоть до Pussy Riot и организаторов выставки «Запретное искусство»⁴. Но недавно Рау приезжал на фестиваль «Территория»⁵ со спектаклем «Сострадание. История одного оружия», где играет его любимая актриса Урсина Ларди⁶. Теперь ей досталась роль Ленина. Рау всегда в гуще актуальных событий, собирая материалы для спектакля о мигрантах, отправляется в Конго, общается с теми, кто на себе испытал все беды. Когда-то он поставил «Последние дни семьи Чаушеску», реконструировав суд над семьей румынского вождя. Теперь черед дошел до Ленина.

Троцкий, Крупская, Луначарский, личный врач Ленина Готье, солдат Сапогов, охраняющий чахлае ленинское тело, и другие узнаваемые персонажи стали героями этого трагикомического маскарада, фантасмагории на тему призрачности власти. Получился чистый трэш, который мало кому из режиссеров по зубам, вызов, намеренная провокация, где все немного кривляются и так важен момент отстранения. Поэтому актеры первоначально сидят по одну сторону декорации, словно в очереди. Они ждут своего выхода. По другую сторону конструкции расположена гримерка, где они преобразуются в своих героев. Там на Урсину Ларди — 47-летнюю швейцарскую актрису — натянут лысину, превратив голову в подобие яйца. Урсина снималась в роли баронессы в «Белой ленте» Ханеке и в печальном знаменитом у нас «Номере 44» Эспинозы⁷ о сталинских временах, изъятном, как и «Смерть Сталина», из российского проката. Теперь ее, длинноволосую блондинку, на наших глазах разденут донага, усадят в ванну и начнут тереть мочалкой. Предварительно доктор вставит термометр в мягкое место. Из советского крана течет бурая, ржавая вода. Герои рас-

суждают о том, что она похожа на кофе. Смеситель и сантехника при этом европейского образца. Мы можем все это досконально изучить благодаря увеличению экрана.

В общем, роскошную блондинку трансформируют в чахлого Ленина в полосатой рубашке, напоминающей концлагерную робу. Под мышкой у Ильича — портрет знаменитой троицы: Маркса, Энгельса и себя, родимого. Ленина называют фюрером, поскольку спектакль идет на немецком языке, а английские субтитры адаптируют его в «лидера», то есть вождя. У нас же фюрер ассоциируется только с одним человеком.

Ленин уже хил умом и телом чахл. В эпилептическом припадке он выделяет пену. Заботливые рабочие Симбирска пришлют Ильичу кресло — лишь бы не болел. Подарок вручат адресату дети. Ленин в агонии, практически на смертном одре. Он бормочет что-то бессвязное, и секретарю Кошкиной приходится приводить его абракадабру в нечто хоть сколько-нибудь внятное. Но детей с коляской Ленин еще идентифицирует, правда, назовет их свиньями.

Рядом с умирающим вождем — цветущий Сталин, человек восточного типа, в исполнении Дамира Авдика. Иосиф Виссарионович тоже любил детей, как когда-то Ленин, и теперь он их обнимает, как на знаменитых фотографиях. Кстати, подобная сцена роскошно обыграна в фильме «Смерть Сталина». На ломаном русском языке Сталин скажет: «Ленин как ребенок. Только дети могут продвигать мир вперед». По ходу спектакля немецкая речь нет-нет да прерывается русскими фразами. Только мальчик и девочка российского происхождения хорошо говорят на родном языке, но и то уже с легким акцентом. Перед смертью Ильича Сталин поцелует его в губы страстно, не по-братски. Крупская — блеклая дама с короткой стрижкой, в вязаной кофте и косоворотке — классический синий чулок. В разговоре со Сталиным она категорически отвергнет саму идею бальзамирования ленинского тела.

Кухарка Ленина подросткового вида, в подтяжках и брюках, разделывает свежую рыбу. Она вытаскивает из нее внутренности со вкусом и пониманием — так, чтобы зритель мог вполне насладиться кулинарным зрелищем. В финале спектакля титры сообщат, что эта умелица эмигрировала в Париж, где и погибла во время инцидента. Наверное, такая кухарка могла бы управлять государством.

